

Чу Чжоу в ужасе расширил глаза, с недоверием глядя на жреца. Разве такое возможно?!

Он хотел было расспросить подробнее, но снаружи послышался приглушённый плач. Чу Чжоу в изумлении увидел, как жрец приложил указательный палец к губам, призывая к тишине:

— Поговорим, когда вернёмся.

У ворот показались бумажные носилки. Двое людей, следовавших за ними, бежали и рыдали, словно действительно провожали замуж родную дочь, с которой им было невыносимо расставаться.

Когда носилки остановились, кто-то извлёк из них поминальную табличку, и толпа проследовала в поминальный зал. Поскольку это была «свадьба», убранство зала пестрело красными и белыми цветами, напоминая брачные покои.

Там, где должны были стоять таблички предков, установили табличку жениха, а рядом поместили табличку невесты. Все расселись согласно свадебному этикету, а родители обеих сторон заняли почётные места.

Чу Чжоу увидел пожилую женщину, стоявшую посреди зала лицом к выходу. Она что-то бормотала, а затем воскурила благовония и отвесила земной поклон. Когда она поднялась, кто-то поднёс вино для свадебного обряда и возложил его перед табличками. Затем младшие члены семей по очереди подходили к ним и били поклоны.

На этом обряд был завершён.

Чу Чжоу вместе со всеми направился к кладбищу на окраине деревни.

Ночь стояла непроглядная, ни звёзд, ни луны — лишь свет фонарей помогал им видеть дорогу. Жители деревни подошли к небольшому земляному холмику без надгробия, с лёгкостью раскопали могилу и подняли гроб.

Они окропили яму чистой водой, положили внутрь два яблока, разбросали красные бумажные деньги и, неся гроб, двинулись дальше, следуя указаниям родителей жениха.

У могилы жениха они осторожно выкопали яму сбоку, вскоре показался край гроба, и они опустили туда принесённый гроб, после чего засыпали его землёй. Затем перед могилой расставили вино и фрукты, сожгли бумажные деньги и погребальные принадлежности, сквозь слёзы выкрикивая поздравления с великой радостью.

Завершив всё это, они вернулись во двор, чтобы продолжить пир.

Среди звона бокалов все поздравляли родителей, начались представления, повсюду звучал

смех — казалось, это была самая обычная свадьба. Но жуткие таблички и колеблющееся пламя белых свечей напоминали Чу Чжоу: это лишь похороны мертвеца и безумный пир живых.

Сославшись на недомогание, Чу Чжоу вместе со жрецом вернулся домой.

Он нетерпеливо потребовал объяснений. Оказалось, что «невеста», которую сегодня выдавали замуж, уже была замужем при жизни. Те самые люди, что рыдали, изображая её родителей, были её свёкрами — их сын скончался три года назад. Девушка была крайне почтительной, и они не имели к ней претензий.

Однако, кто бы мог подумать: забеременев до смерти мужа, она родила ребёнка лишь спустя год после его кончины — прошло целых шестнадцать месяцев с момента, как у неё начался токсикоз. Жители деревни сочли её нечистой, а рождённого ею ребёнка окрестили «отродьем демона». Последние два года односельчане всячески травили их.

Два дня назад умер младший сын семьи Ли. В деревне не осталось незамужних покойниц, а добыть тело из другого места стоило огромных денег. Так как дата рождения девушки идеально подходила по гороскопу сыну семьи Ли, жители деревни сговорились, убили её, а ребёнка выбросили на заднюю гору.

Это произошло как раз в ту ночь, когда Чу Чжоу прибыл в деревню.

Чу Чжоу похолодел. Выходит, женщину убили сами жители деревни! Неудивительно, что у того холмика не было надгробия, а они, даже не проверяя, сразу начали копать. Неужели эти люди могли совершить такое зверство с таким спокойствием, не испытывая ни капли вины?

Когда он приехал, в деревне царила атмосфера умиротворения, и он даже восхищался их гостеприимством. Теперь же стало ясно: они просто боялись, что он обнаружит ребёнка на горе...

Подождите! Ребёнок всё ещё на горе! Прошли всего сутки, он вполне может быть жив!

Он резко поднял голову и посмотрел на жреца:

— Мы идём на заднюю гору.

Пока жители заняты празднованием, нужно спасти ребёнка.

На лице жреца играла мягкая улыбка, черты его лица были изящны, словно у небожителя.

— Хорошо.

Ночь была тёмной и ветреной.

Эти проклятые люди бросили его здесь, убив ту, что дала ему жизнь. Они называли его отродьем демона. Он знал, что они боятся его, даже та, кто родила его, тоже боялась. Он с рождения отличался от людей.

Но как они посмели бросить его?! Он обязательно с ними расправится.

Рассвело. В этой горе были его сородичи, он знал, но они не смели приближаться. Будучи демоном, в слабости ты лишь добыча. Если бы он стал сильнейшим демоном, он бы не оказался в такой беде. Демоны не приближались из-за его ауры, а люди... ох, люди способны лишь на страх.

Если он выживет сейчас, он больше никогда не будет таким слабым. А те проклятые люди...

Перед глазами снова была тьма, ветер не унимался. Он лежал на земле, его глаза постепенно закрывались...

Внезапно в тишине ночи раздались шаги. Двое людей. Звук приблизился и затих. Кто-то поспешно подбежал, другой шёл медленнее.

Он почувствовал, как чьи-то руки бережно подняли его. Неужели человеческие объятия могут быть такими тёплыми?

Перед глазами словно забрезжил свет. Он изо всех сил открыл глаза и увидел человека, который с тревогой смотрел на него. Заметив, что он очнулся, человек озарился яркой улыбкой.

Этот человек... такой красивый.

Он потёрся о него и закрыл глаза.

Солнечные лучи мягко пробивались сквозь бумажные окна. Чу Чжоу проснулся, потёр глаза, и тут маленькая ручка хлопнула его по лицу.

Он замер, повернул голову и увидел маленького комочка, который внимательно смотрел на него чёрными блестящими глазами. Только тогда он вспомнил, что вчера подобрал ребёнка.

Вчера было слишком поздно, когда они вернулись, все в деревне уже спали. К счастью, с

ребёнком всё было в порядке. Жрец сказал, что достаточно его покормить, поэтому Чу Чжоу отварил и измельчил остатки овощей, покормил малыша и лёг спать вместе с ним.

Кроха пыхтел, пытаясь взобраться на него, и, наконец, добравшись до груди, покачнулся. Чу Чжоу, боясь, что малыш упадёт, поспешно приобнял его. Кроха изо всех сил обхватил его за шею своими короткими ручками, придвинулся ближе и чмокнул в щёку.

Именно этот человек спас его. Этот человек — другой.

Чу Чжоу вздрогнул от влажного прикосновения, вытер слюну с лица, посмотрел на сияющего малыша и невольно улыбнулся, поцеловав его в лоб.

— Какой неожиданно милый ребёнок.

Укрыв засыпающего малыша, Чу Чжоу отправился к жрецу обсудить, как растить ребёнка. Самое важное — не дать жителям деревни узнать об этом. Они боятся этого так называемого отродья демона, и если узнают, что выброшенного ребёнка подобрали, никто не знает, чем это обернётся.

— Оставайся у меня, — сказал жрец, поливая цветы. — Если им что-то понадобится, пусть приходят сюда. Жить у горы небезопасно.

— Я... — Чу Чжоу хотел сказать, что понял: никто из деревни не смеет приближаться к горе, но неужели внизу тоже опасно?

В этот момент раздался грохот — кто-то с силой распахнул дверь. Это был тот самый игрок, который приходил за травами. Он тяжело дышал, словно бежал без остановки, и с мольбой смотрел на жреца:

— Научите меня готовить целебные травы!

Жрец отложил лейку и смущённо ответил:

— Но мне не нужны ученики.

— Господин жрец, умоляю! Научите меня! — громко просил игрок. Он проиграл все свои деньги, и если бы научился готовить снадобья, не пришлось бы каждый раз приходить и продавать их, чтобы расплатиться с долгами.

Жрец молча смотрел на него. Игрок продолжал умолять:

— Господин, я буду прилежно учиться, я больше никогда не притронусь к азартным играм!

Наконец жрец сдался:

— Сначала принеси мне лунный цветок.

Игрок помедлил, взглянул на его улыбающееся лицо и согласился.

Когда он ушёл, Чу Чжоу с восхищением сказал жрецу:

— Вы так добры.

Жрец покачал головой:

— Это мой долг. — Он улыбнулся, глядя на него мягким взглядом чёрных глаз. — Давай вернёмся к разговору о ребёнке.

Ах да, ребёнок важнее.

— Они самодостаточны? — спросил Чу Чжоу, заметив огороды, сады и ловушки в лесу.

— Да, — ответил жрец. — Кто-то возделывает землю, кто-то занимается садами, кто-то охотится. Едой они обмениваются между собой или торгуют.

— А вы? — поинтересовался Чу Чжоу.

— Жрецу не положено иметь хозяйство, — смутился тот. — Обычно я лечу или гадаю, а они приносят еду в благодарность.

— А тем, у кого нет земли?

— Они помогают на полях или охотятся.

— Хорошо, я пойду осмотрюсь, — сказал Чу Чжоу.

Жрец удивился:

— Ты... зачем?

— Не хочешь же ты содержать нас троих в одиночку? Ты приютил нас, я должен работать, — ответил Чу Чжоу и, не дожидаясь ответа, поспешил к ребёнку. — Кстати, как его зовут?

— Ибараки-додзи.

— Что?! — Чу Чжоу резко остановился и в шоке посмотрел на жреца.

— Его зовут Ибараки-додзи, что-то не так?

— Нет, всё в порядке.

Всё было совсем не в порядке. Этот малыш — Ибараки-додзи! Демон уровня SSR! Тот самый, которого ещё никто не смог призвать! Согласно записям, Ибараки-додзи обладал колоссальной силой и ненавидел людей. Задание обещало быть непростым.

Чу Чжоу тыкал пальцем в щёчку проснувшегося Ибараки, думая о том, что его цель — этот мягкий комочек. Маленький Ибараки ухватился за его палец и что-то забормотал. Чу Чжоу попытался высвободить палец, но малыш держал крепко. Он погладил его маленькую ручку — сердце растаяло. Ладно, пусть держит.

Через некоторое время Ибараки отпустил его, встал на шаткие ножки и уткнулся в него, обхватив за шею. Чу Чжоу поднял пахнувшего молоком малыша, поцеловал его, и тот ответил тем же, перепачкав лицо слюнями.

Поиграв с Ибараки, Чу Чжоу решил поискать работу. Сейчас он был обычным человеком, и контакт с жителями пугал, но деревня была окружена горами, и он не знал, куда идти. Жрец никогда не покидал это место. Если жители узнают, что он знает об убийстве и прячет Ибараки, его ждёт ужасная смерть. Нужно изучить местность.

Чу Чжоу шёл по дороге, делая вид, что ничего не знает, и спрашивал:

— Есть ли в деревне работа?

— В саду, кажется, нужны люди, — ответил один из жителей.

— Благодарю, — улыбнулся Чу Чжоу.

Работа в саду была несложной. Ближе к концу дня он увидел овцу. Подумав, что Ибараки нужно молоко, он спросил владельца сада:

— Сколько нужно работать, чтобы получить овцу?

— Раз нужна — забирай, — добродушно ответил тот. — Отработаешь потом.

Вернувшись, он увидел, что Ибараки проснулся и тихо сидит, не плача.

— Малыш Ибараки? — позвал он.

Ибараки повернул голову и, увидев Чу Чжоу, оживился, потянувшись к нему, словно боясь, что его снова бросят. Чу Чжоу обнял его, поцеловал и покормил.

Уложив малыша, он начал рассказывать ему сказку:

— Жил-был маленький Ибараки...

Под нежный голос Чу Чжоу Ибараки уснул.

На следующий день, оставив малыша с жрецом, Чу Чжоу отправился в сад. По пути домой он услышал разговор:

— Ах, какой ужасной смертью он погиб.

— Да, удивительно, как он вообще дополз до ворот...

— Хорошо, что мы не пошли на заднюю гору. И чего он один пошёл туда ночью?

Вернувшись, он увидел жреца, поливающего цветы.

— Помнишь того игрока, что хотел учиться? — спросил Чу Чжоу.

— Помню, — ответил жрец.

— Он умер.

— Да? И как?

— Пошёл ночью на заднюю гору. Наверное, звери загрызли.

— Какая жалость.

Чу Чжоу вздрогнул.

— Когда вы посылали его за лунным цветком, вы знали, что он умрёт?

Жрец мягко улыбнулся, не переставая поливать цветы:

— Я же говорил, мне не нужны ученики.

Чу Чжоу расширил глаза.

— Ты не рад? — жрец нахмурился, не понимая его реакции.

Как можно быть радостным из-за такого? Он считал жреца добрым и невинным, а тот

хладнокровно погубил человека.

— Если постоянно беспокоить других, это вызывает неудобства, — жрец подошёл ближе. — К тому же теперь никто не будет врываться сюда, и тебе не придётся волноваться, что Ибараки найдут.

Только из-за этого? Чу Чжоу отступил назад, обдумывая, как сбежать.

— Не выйдет, — жрец знал, о чём он думает. — Живи здесь. В другом месте тебя найдут.

Его тон звучал как угроза.

— Почему? — спросил Чу Чжоу.

— Я просто хочу помочь, — улыбнулся жрец, в глазах которого промелькнуло безумие.

Он знал всё, что происходило с Чу Чжоу в этих мирах, но этого было мало. Он хотел знать, откуда тот пришёл, почему эти данные полюбили его...

Чу Чжоу учил Ибараки говорить. Он не верил жрецу, но выхода не было. Смерть игрока вызвала переполох, но жители лишь решили больше не приближаться к задней горе.

Ибараки всё ещё не говорил, возможно, из-за страха матери.

— Давай, скажи «братик», — просил Чу Чжоу.

— Б-ба... — отвечал Ибараки.

Чу Чжоу вздыхал, но не сдавался. В конце концов, время ещё есть. Сегодня еду принесли жители деревни.

<http://bllate.org/book/22423/2354267>